
Микаел Абаджяни

Морская ведьма

Рассказ

1

Остров был сам по себе. Волны тоже были сами по себе, как, впрочем, и ветер, и закатное солнышко, льющее розовато-золотой искрящийся свет на восток. На западе горы были грязно-синими, а на востоке темнели изумрудные массы воды, в которых тонули потоки света, и еще там был остров. Все перемещения воздуха, воды и света никак не зависели от его воли, присутствия, желаний, но вот остров был объектом его воледей. Он был похож на большую черепаху, поднявшую из моря массивную голову. Казалось, эта широкая каменная голова немного косит в его сторону. На ней были видны и расселина-глаз, и хорошо очерченный каменными трещинами клюв. А на вершине ярко-розового панциря что-то ослепительно сверкало, манило, дразнило его. И ему думалось отчего-то, что там должно быть какое-нибудь зеркало, в которое ему нужно будет непременно посмотреться. Черепаший панцирь был пологим и широким, воды моря были теплыми, набегающий ветерок ласковым...

Оставалось только прыгнуть в волны и поплыть, но он медлил. Он понимал, что, вероятно, обманывается в оценке расстояния. Пространство вокруг острова мягко скрадывалось, до него, казалось, рукой подать. Оставалось только ответить самому себе, зачем это нужно. Но ответов было слишком много: в разное время жизни он по-разному отвечал на этот вопрос. Он решил, что у него будет достаточно времени, чтобы обо всем подумать, пока будет плыть до острова, и прыгнул в воду...

Тело слушалось отлично. Он обожал это слияние с водой. Все эти бесцельные перемещения объемов воды он использовал, чтобы плыть с наименьшей затратой сил. Он никогда не встречал на море пловца лучше себя. Люди в большинстве своем плавают плохо, а потому боятся расстояния, пространства, глубины. Вода, свет, волны и остров уже не были сами по себе. Они стали частью его, стали реальностью, частью сиюминутной головоломки по имени «жизнь». Нужно было учитывать мелочи, присутствовать здесь и сейчас каждое мгновение. Все зависело от его навыков держаться на воде и умения перемещаться в водных толщах, и он плыл по-лягушачьи, брассом.

Абаджяни Микаел Фёдорович — прозаик и переводчик. Родился в Ереване в 1970 году. Окончил Ереванский зоотехническо-ветеринарный институт. Печатался в журналах «Новый мир» и «Дружба народов». Член Союза писателей Армении. Консультант проекта «Моссалит». Издавался в России, США, Австралии, Франции, Ливане. Есть литературные награды. Предыдущая публикация в «ДН» — 2015, № 7.

Белесое песчаное дно долго и полого уходило в глубину. Сначала оно просматривалось хорошо. Несмотря на то что еще было по-вечернему светло, в морской глубине тяжело копились сумерки. Иногда он переходил на кроль, но потом снова плыл брассом. Плыл, глубоко подныривая, выбрасывая из легких в толщу воды суетливые воздушные шарики. Он следил, как пузыри проворно устремлялись к поверхности, и ему это нравилось. На дне стали появляться огромные камни, поросшие длинными черно-бурыми водорослями. Форм они были порой самых фантастических. Казалось, это согнулись и застыли на дне большие косматые животные. Водоросли медленно колыхались в такт перемещениям придонных полупрозрачных водных масс. Он медленно проплывал над ними, но остров не приблизился ни на шаг. Как возвышался розовым черепашью панцирем над водой, так и продолжал возвышаться. Не стал нисколечко больше, только розовый свет сделался чуть бледнее, да у основания черепашьей головы, кажется, начала различаться полоска прибоа.

2

Лидочка вышла на пляж с романом Ольги Грушевской «Лента Мёбиуса». Фигурка у нее была стройненькая и беленькая, не тронутая загаром. Вся она была такая летняя и светленькая, словно солнечный зайчик. Она постелила голубенькое полотенецко на белый, словно некий странный остов, лежак, но не спешила растянуться под палящим солнцем. Она оглянулась: с одной стороны поднимались каменистые горы Иудейской пустыни, а с другой сквозь лазурное пространство Мёртвого моря розовела в пыльной красноватой дымке Иордания.

— Ах, неужели здесь ниже уровня мирового океана аж на 500 метров? — сказала она, морщась от ослепительного солнца.

— Ну что-то вроде этого, — ответил он, рассматривая на берегу нагромождения каменных глыб, сплошь покрытых удивительными по красоте белыми соляными розочками.

— Здесь невозможно утонуть, — зачем-то сказал он.

— Ах, милый! Не заплывай, пожалуйста, далеко! — сказала Лидочка и отправила ему горячий, словно знойный ветерок, воздушный поцелуй.

И, намазанная жирным маслом для загара, она растянулась на лежаке с романом в черно-белой обложке, соблазнительная, блестящая. Сзади нее поодаль на таком же белом лежаке лежал толстый бородатый человек в черных очках, который, казалось, с интересом следил за ними, вернее, за Лидочкой. Почти у берега по пояс в воде стояли несколько старичков и вели какие-то свои разговоры.

Гладь Мёртвого моря почти не нарушалась. Ни дуновения, ни волны, только прозрачная до самого соляного дна толща воды, словно бы мыльной на ощупь. Он погрузился в жидкий горячий кисель, который активно старался его вытолкнуть. Попробовал встать ровно, как поплавок, помогая себе руками, но его выбросило из воды по пояс. Нужны были новые навыки плавания в такой плотной воде. Нельзя было брызгаться, потому как даже мельчайшая капля этого насыщенного соляного раствора жгла глаза. Он медленно шевелил руками, думая, как снова научиться плавать. Можно было в воде сидеть, лежать, но чтобы перевернуться на живот, не поднимая брызг, приходилось поджимать колени, а потом тихонько поворачиваться вниз лицом. Так можно было не намочить голову.

Овладев нехитрыми приемами держаться на воде, он решил попробовать поплыть своим излюбленным стилем — брассом. Брасс, казалось, лучше всего подходил для плавания в такой воде, потому как голову можно было держать над поверхностью. Но вода его выталкивала так сильно, что ему приходилось как-то неловко скользить на животе по плотной воде. После нескольких попыток он понял неэффективность этого стиля: так можно было плавать небыстро и на небольшие расстояния. Кроль больше подходил в данных условиях, но у него был серьезный недостаток: как бы аккуратно

он ни греб руками, поднимались брызги, которые непременно попадали в глаза. Вода на вкус оказалась скорее горькая, чем соленая, видимо, в ней много солей калия.

А впереди белел остров — просоленный кусочек суши, сверкавший ослепительно ярко в полуденном солнце. Он посмотрел вниз, там, на зеленовато-белом дне, нелепо трепыхалась его тень, словно тень мухи в стакане. Вдали синели горы Иордании, а вблизи была соляная гряда. Зачем туда плыть? За впечатлениями для повести. Ему были нужны сильные впечатления. Нельзя же писать о том, чего не испытал. Само такое приключение подскажет ему тему. А как же Лидочка? Подождет часок-другой, пусть читает пока свою Ольгу Грушевскую.

Вдруг он понял, что здесь нет смерти. Здесь невозможно было утонуть. От возникшего ощущения полной безопасности его разобрал неудержимый дурацкий смех. Хорошо, что старички остались далеко позади, на берегу, и не могли его слышать. Место это было чудом из чудес. Смерть здесь была не властна над ним, не могла придушить его тонной тяжелой воды, раздавить в объятьях своей плотной глубины. Он дико хохотал над этим странным открытием. Он с удовольствием рассматривал свою прозрачную тень сквозь толщу воды, понимал, что до нее не донырнуть, и это тоже казалось смешным. Глядя в безудержную синь неба над головой, ощущал, что находится на самом дне небесного океана, рассматривал ослепительное просоленное, такое маленькое лучистое солнышко. А потом вдруг быстро кролем поплыл к соляной гряде.

3

Я уже жил несколько лет в Москве, когда ко мне вдруг приехал мой старый знакомый художник Ара Арутюнян. Встретились мы тепло. Открыли бутылочку «Столичной» и жестяную банку селедочки. Как водится, выпили за встречу. Закусили шашлыком собственного приготовления. Ударились в воспоминания, припомнили друзей и знакомых, выпили и за их здоровье. И под конец нашей встречи Ара распаковал небольшой, в черной полиэтиленовой пленке, прямоугольный сверток. В нем оказалась картина. Ничего особенного: пасмурный день, серый берег Севана, остров с крутыми берегами и парочка черно-рыжих приземистых церквей на его вершине. Написано было, как мне показалось, плохо, широкими мазками. Изображение было нечетким, будто недорисованным, все приходилось угадывать самому. Вот лодка на берегу, а может, просто бревно. Пловец? Люди ли на берегу или это просто блики? Птица ли в небе? Если да, какая? Изображение выглядело как-то схематично, без подробностей и детализации. Словно бы художник взывал к памяти зрителя, пытаясь воскресить в его сознании нечто большее, чем просто блеклое воспоминание. Картина мне не понравилась. Я натянуто поулыбался, поблагодарил, конечно. Он попросил повесить ее на видное место, чтобы она была всегда у меня перед глазами. Продолжая все так же натянуто улыбаться, я думал о том, что скажет Лидочка. Вряд ли ей это понравится.

Мы еще немного посидели, открыли бутылку армянского коньяка «Ахтамар» — у меня была припасена на такой случай, — опять закусили. Он вспомнил знаменитую армянскую легенду о девушке Тamar и юноше, который утонул из-за любви к ней в соленой воде озера Ван. Теперь вообще возникли сомнения, что на картине изображен именно Севан... Опять закусили, растались тепло...

Картину я Лидочке даже не показал. Замотал опять в черную полиэтиленовую пленку и засунул в книжный шкаф за книги. В шкафу она у меня пролежала многие годы. Что и говорить, как всякий порядочный армянин, все это время я мучился тоской по родине. Побывал во многих странах. Видел много удивительных озер и горных массивов в Африке, Европе и Азии. Но тоска только усиливалась. И лучшими из всех для меня оставались, конечно, Севан и Арарат. И вот как-то раз Лидочка стала разбирать мой шкаф с сувенирами и пыльными книгами на полках. Естественно, она

наткнулась на черный прямоугольный полиэтиленовый сверток. Спросила меня: что это? Но я счел за благо промолчать. Она стала распаковывать. И — о чудо! — вместо жалкого, убогого пейзажа мне открылась замечательно выписанная картина. Изображение было полно тревожной мрачной силы: стальные волны накатывали на серый песчаный берег, над головою распахнулось тяжелое, с сединой, небо с парящей в нем хищной птицей. С гор в озеро тяжело сползал туман. А вдали поднимались высокие берега острова с темным, как сама вечность, монастырем.

— А почему ты мне никогда это не показывал? — спросила возмущенно Лидочка.

Я смог только глупо улыбнуться. С этих пор картина благодаря Лидочке стала висеть на стене в гостиной, на самом видном месте.

4

Плыл он уже достаточно долго, однако соляная гряда никак не приближалась. Он вдруг понял, что обманывался в оценке расстояния. Обернулся: до берега тоже было далеко. Позади остались покрытые толстыми наростами соли сходни в море для отдыхающих. Белые лежаки и вовсе слились с белизной просоленного берега. Над горами Иудейской пустыни кружил черный мошка-вертолет. Отели казались маленькими коробочками. И он вдруг отчетливо осознал: случись что с ним — никто не поможет. Вот она рядом, цивилизация. Вот полные праздных людей бары-рестораны, вот суесящиеся между столами официанты и мечущиеся по коридорам отелей горничные. Однако никто не услышит, не увидит, не бросится на помощь. Он был как за прозрачным бронированным куполом, куда не пробиться ни крику, ни взгляду, ни человеческому сочувствию. Быть может, Лидочка все-таки поднимет панику, зайдется в истерическом смехе — это почему-то казалось ему очень страшным, — и тогда поднимутся вертолеты, выйдут в море спасательные лодки. На берегу будет бегать заплаканная Лидочка. И наконец весь мир станет искать его. Однако пока его хватятся, случиться может всякое. Да хотя бы его могут просто оставить силы, и не доплыть ему тогда ни до берега, ни до соляной гряды. Прощайте, люди, прощай, жизнь! Эх, глупость человеческая!..

Солнце поднялось в зенит. Мелкие соленые капли все-таки попадали в глаза, и оттого их нестерпимо жгло. Бесконечные потоки слез лились из его бедных глаз. Как-то проморгаться или промыть глаза в его положении было невозможно. Оставалось только терпеть эту резь. А солнце нещадно обжигало его обнаженное, ничем не защищенное тело. Насыщенный соляной раствор, коим являлась вода моря, не только не приносил прохлады, но и, казалось, способствовал получению сильных ожогов. И везде ослепительный свет-свет-свет. Свет в небе, свет от воды, свет в глубине. Он старался плыть не только кролем, но и на спине, чтобы переворачиваться и уменьшать силу ожогов. До поры это помогало.

Он стал уставать, в голову полезли мрачные мысли: смерть могла грозить ему с совсем другой стороны. Да, утонуть здесь невозможно, однако можно выбиться из сил, заживо сгореть на солнце, превратившись в красный пузырящийся кусок мяса, а потом и вовсе в шашлык. Ни тебе птицы в небе, ни рыбы в воде, ни ветерка, ни облачка — ничего. Он представил, как его мертвое тело какое-то время повисит в этом ярком ядовитом и прозрачном эфире. Наступит ночь и не принесет прохлады, темная гладь воды отразит недвижной поверхностью, как в зеркале, иудейские горькие звезды, потом опять разожжется сверкающий день. Тело его просолится, покроются белым налетом глаза, волосы, ногти, соль набьется в рот, в легкие, все его тело в конце концов покроется толстой белой коростой. И в какой-то жуткий час оно под тяжестью соли покачнется на обширной глади озера и пойдет на дно. И долго на горячем дне в яростных потоках света будет лежать статуя из белой соли. Потом же и ее поглотит вездесущая белизна.

До соляной гряды доплыть не представлялось возможным. И даже не из-за значительного расстояния, которое он почти покрыл, а потому, что ему преградили путь странные соляные бассейны. Они, видимо, появились в результате ежедневного и еженощного выпаривания. Последние метров сто до соляного острова поверхность моря была покрыта круглыми большими лужами, изолированными друг от друга острой режущей соляной кромкой. Вода в бассейнах, из-за небольшого объема воды в них, оказалась обжигающе горячей. Он попробовал забраться в один и переплыть его, но оказалось, что сделать это непросто, только порезал о соляную кромку ступни и локти. Не очень сильно, однако жгучая боль стала теперь его спутницей. Самый крошечный порез в соляном растворе такой концентрации превращался в источник нестерпимой боли.

Все-таки он добрался до своего острова. На берег подниматься не стал, чтобы не получить других повреждений. К своему удивлению, он обнаружил здесь все те же атрибуты человеческой цивилизации: перевернутые столы и стулья, автомобиль неизвестной марки, какие-то конструкции неясного назначения — все это было покрыто толстой коркой соли, так что даже не разобрать деталей. Можно было лишь по контурам догадаться, чем это когда-то было и для чего служило. Уму непостижимо, как все это сюда попало. Скорее всего, когда-то здесь был берег, потом море разлилось, стало шире, небольшая возвышенность превратилась в остров, соляную гряду, а на ней остался забытый хлам, который не мог даже благополучно сгнить, ибо его засолило море.

Над поверхностью моря пронесся тяжелый рокот. Он пожалел, что при нем нет фотоаппарата. Прямо над головой медленно, словно во сне, пролетел темно-зеленый военно-транспортный самолет израильских ВВС. Наверное, из самолета был виден остров, засоленная машина, светло-лазурная вода, красноватый человек в ней. Видно все должно было быть очень хорошо, в мельчайших деталях. А если чуть напрячь зрение, должно быть видно даже выражение лица красноватого человечка. Выражение ужаса...

5

Он упорно плыл к острову. Справа заметил раскачивающийся на волнах большой красный буй. Явно он был здесь не для обозначения безопасного места для плавания, слишком далеко был берег, скорее он указывал фарватер яхтам. Подплыв к красному металлическому шару, он обхватил его и какое-то время отдыхал. Покрытая водорослями толстая веревка уходила в глубину. Захотелось узнать, сколько здесь может быть до дна, и он потянул за веревку. С трудом, но ее удалось выбрать. На конце оказалось бетонное грузило. Судя по всему, глубина была метров двенадцать. Он удовлетворенно отпустил конец веревки, и та, словно живая, стремительно ушла под воду. Не сразу, но он услышал удар бетонного грузила о каменное дно, значит, здесь под ним уже был не песок. Дно, конечно, не просматривалось, и только темные продолговатые серо-голубые тени угадывались в толще воды. Он поплыл к острову, активно работая руками и ногами, и через какое-то время остановился, чтобы отдышаться и еще раз взглянуть на остров. Черепаха медленно превращалась в игуану. Она уже была не розовая, а серая. Бледный розово-золотой свет еще струился поверх сероватой спины игуаны, цепляясь за то, что он сначала ошибочно принимал за зеркало. Это был стальной крест, отсвечивающий золотом.

Скоро солнце должно было зайти за гору, и тогда начнет смеркаться. А до острова было все еще далеко. Плыть назад в сумерках, а может, и в темноте ему не улыбалось. Назад лучше было не смотреть, и он снова поплыл к острову. Через какое-то время он понял, что на остров не выбраться. Отвесная серая, иссеченная трещинами стена предстала перед его взором. Высота ее метров двадцать, крест на вершине острова

отсюда уже не просматривался. У подножия стены гремел прибой, с силой смешивая в ослепительную пену воду и воздух. Подплывать к ней было небезопасно: могло сильно ударить о камни, покрытые острыми, словно бритвы, раковинами мидий. Скорее всего, отдыха не предвидится. Однако там, где ему чудилась надменная морда ящерицы, он обнаружил нагромождение огромных валунов. Все это было похоже на лапу, по которой можно было выбраться из воды. Здесь камни не были облеплены мидиями, однако состояли из каких-то хрупких пород, изъеденных кавернами и усыпанных острыми шипами. Выше линии прибоя валуны имели гладкую поверхность. Выбраться на берег и отдохнуть было необходимо, чтобы восстановить силы, ведь предстоял обратный путь. Выбираясь из воды, он все-таки очень некстати сильно порезался. Сумерки быстро сгущались, морская вода становилась темной и непрозрачной. Он сидел на гладком камне, с него стекала струйками вода и смешивалась с кровью. Выше подняться с этой стороны острова было невозможно: над ним нависал каменный выступ. Он подумал, что надо было оплыть весь остров, ведь как-то же затащили на вершину стальной крест. Наверняка можно было без особых проблем с другой стороны забраться на самый верх, но он уже не хотел об этом думать. Становилось темно. На том берегу весело зажигались разноцветные электрические огоньки, но они были так далеко. Он думал: зачем все это было ему нужно, кому и что он хотел доказать? Было немного страшно, но несмотря на полное одиночество, он ясно ощущал свою сопричастность тому духу авантюризма, который тысячелетиями гнал человечество на поиски нового, заставлял совершать открытия, и не только географические.

6

Всю жизнь, бывая на разных морях и озерах, я копил впечатления для морского рассказа. Иногда с того или иного берега я прихватывал в качестве сувенира камешек или раковину. Не знаю, как называются те или иные минералы, как правильно по-научному называются те или иные моллюски, чьи раковины во множестве стоят на полках моего книжного шкафа.

Вот длинная раковина какой-то улитки, обитающей в вулканическом озере Хефиз в Венгрии. Она до сих пор сильно пахнет серой. Пришлось плавать в черной воде небольшого кратера, где я со страхом ощущал, что подо мной пятидесятиметровая неизведанная глубина.

А вот невероятно крупный рапан из Черного моря. Вспоминается, как я плывал в шторм, как накатывали трехметровые бурые волны одна за другой, как я смотрел с грязной пенной высоты на берег и бетонный парапет, с восторгом понимая, что на высоту второго этажа меня заносит вода. Помнится, я тогда выждал момент и с небольшой волной вылетел на берег. Со всех ног побежал к бетонному парапету под яростные аплодисменты местной публики, с ужасом ощущая, что сзади набегает новая огромная волна. Помнятся долгие объяснения с грузинскими спасателями и Лидочкой, которые, в отличие от толпы, явно не были в восторге от происходящего.

Вот маленькие развертки из Турции, которые я поднял с семиметровой глубины, не пользуясь специальными приспособлениями для подводного плавания. Вот раковинки смешных раков-отшельников из Португалии. Все раковины, которые я подбирал, были пустыми. Я добряк, и ни у кого не отбирал их домики.

А вот ажурный скелет средиземноморского морского ежа. Вот серенький камешек с побережья Севана. Он приносит мне удачу. Вот яркий зелененький камешек с берега Балатона. Вот красный куриный бог с Черного моря. Вот крупные кристаллы соли Мертвого моря. Все это вещи самые обычные, их привозит после отдыха любой турист, но есть у меня кое-что, что поставит в тупик всякого. Это волосы морской ведьмы...

7

После долгих усилий я выбрался на просоленный берег в том же месте, откуда начал свое плавание. Все так же у берега бултыхались в соленой воде старички. Казалось, никто даже не заметил моего отсутствия. Солнце заметно сдвинулось к горизонту, но до вечера было еще далеко. Все путешествие заняло не так уж много времени, часа четыре. Впечатлений для рассказа было предостаточно. Однако Лидочки на берегу не оказалось. Не было ни ее голубенького полотенечка, ни книги Ольги Грушевской в черно-белом переплете. Сердце заныло, настроение упало. Уже не чувствуя себя победителем, я тоскливо оглянулся. Невдалеке на белом лежаке разлегся толстый бородатый мужчина и, сощурившись, кажется, за мной наблюдал.

8

Спуститься в воду по тем же острым каменным шипам он был не в состоянии. Нужно было попробовать прыгнуть в воду, стараясь перелететь через линию прибора. Сказать легче, чем сделать. Дно в этом месте было глубоким, однако, если не долететь до воды, можно разбиться насмерть о большие валуны, уходящие в глубину. Сумерки уже сгустились настолько, что камни в воде не просматривались. Нужно рискнуть, но расстояние надо было оценивать с большим запасом. Прыгать с места головой вниз, как на соревнованиях, здесь нельзя. Нужно отойти от края шага на два, чтобы потом посильнее оттолкнуться ногами. И он прыгнул. Вошел хорошо и ушел под воду метра на три. И там, в глубине, в почти непроглядной черной воде ему показалось, как что-то метнулось от берега вместе с его телом. Где-то в глубине души он уже знал: гонка началась. Поразила, какой темной, негостеприимной стала вода, но думать было некогда, и он изо всех сил поплыл кролем к берегу. Плыл долго, шумно выдыхая в глубину серебристые шарики воздуха. Через какое-то время остановился, чтобы передохнуть. Ящерица начала превращаться в черепаху и снова стала глядеть в его сторону сквозь сгущающийся сумрак. Где-то впереди зачернел давешний буй, раскачивавшийся на беспокойных волнах, значит, до берега недалеко.

И тут будто что что-то коснулось его ноги. Легонько. Он изо всей силы брыкнул ногой, понимая, что нельзя поддаваться страху. Показалось. Показалось, конечно. Но он еще раз ощутил прикосновение, еще более явственно. Сомневаться не приходилось: *что-то* терлось под водой около него. Единственное спасение в скорости, и он бросился плыть, не разбирая направления. А это *что-то* все время преследовало его. Преследовало с методичной настойчивостью, как сумасшедшего преследует неотвязная мысль. Он стал размышлять: это не морское животное, оно бы его уже схватило, если бы вообще имело такую цель. И в этом море нет акул... Это какая-то человеческая тварь. Это нечто разумное. Оно играло с ним. Он все время ощущал легкие прикосновения. Казалось, чьи-то руки пытаются потрогать или схватить его. Это вызвало панику. Краем сознания он предполагал, что сам мог все это внушить себе, что остывающие волны могли сыграть злую шутку с его рецепторами. Разыгравшееся воображение оказывало ему дурную услугу: он хорошо управлял своим телом, но не справлялся с черным, нахлынувшим вдруг потоком подсознания. Немалая вероятность того, что все померещившееся — правда, заставляла плыть изо всех сил в неизвестном направлении.

Плыл он долго, краем глаза замечая, что больше не видит веселеньких разноцветных огоньков. Все вдруг тяжело погасло в огромном черном пространстве. Во тьме растворился даже остров. Где он, уже никто не мог бы ему сказать. Была кромешная ночь, и только в черной непроглядной глубине кружила у него под ногами морская ведьма...

Герман Власов

Из цикла «Вода и ветер»

1

Купил цветы — не белые гвоздики,
но ирисы — изгиб их полюбил.
Я ехал на метро до Эвридики,
я чудом их изгиб не погубил.

Имело место чудо: я на воздух
с толпою, как на небо, вознесён.
Она живёт в пяти минутах возле
Черкизово, ещё там стадион.

Цвета команд густой гуашью слились,
потом у дома вечный шёл ремонт.
— К какой команде отнесёшь ты ирис?
Куда поставишь: в кухню? на трюмо?

Подрезала. Набрав воды из крана,
поставила на круглый стол и тут
заметила, что я приехал рано.
— Не рано. Подождём, как расцветут.

2

Ложечке с вареньем удивляюсь,
а сглотив, — блестящей на фарфоре;
влажен пар, которым упиваюсь;
в разговоре

вставлю «может быть», «похолодало»,
«воду две недели, как включили»;
длинно посмотрю и щёки алым
(соус чили)

Власов Герман Евгеньевич — поэт, переводчик. Родился в 1966 году в Москве. Окончил филфак МГУ. Автор нескольких поэтических книг, среди которых «Музыка по проводам» (М., 2009), «Девочка с обручем» (М., 2016). Лауреат международного литературного Волошинского конкурса (2009). Живет в Москве.

вспыхнут у неё. Но мы посмотрим
чёрно-белый пухлый телевизор.
И пойду к себе по подворотням,
крылья низом,

день припоминать: на солнце капли,
сурик крыш, берёзы позолоту.
Как кулик уйду от старой цапли
спать в болото.

А придёт ко мне через неделю,
я вареньем тем же угощу и:
— Сколько мы того варенья съели, —
загрущу я.

3

— Кран у тебя капает. — заметил.
— Ничего, — ответила, — не раздражает.
Ещё ветка в окно, если ветер,
на ассоциации возбуждает:

скажем, волны там ступни лижут,
или тени в вечер длиннее,
или падает с полки книжной —
собрание сочинений.

— Или, — вставил, — мужские руки
нужны, чтобы звуки иссякли
посторонние. Ну что тебе звуки —
на кухне капли?

И тогда она — чайкой на пирсе —
видит мой профиль рыбачий,
спрашивает, где я учился.
А чай у неё горячий.

4

Нежность острой волною
грудь теснит, как пюпитр.
— Что там рядом с Луною —
неужели Юпитер?

Что там слева, как птеник,
неуёмно забилося?
Трудно лучшей из женщин —
вам и не снилось.

Трудно порознь и рядом,
прирастая, длиннея;
Быть зеркалом и взглядом —
но тем и вернее

я тобой захлебнулся,
океан в моей ранке.
Синий ирис проснулся
в круглой банке.

На воде мы, что камень,
разойдёмся кругами;
перепутает память
нас с богами.

Выпуклые, мы льёмся
красотой — синей, нежной.
Выплыву, — разойдёмся, —
а буду ль прежним?

* * *

Шумной шелухой обнесены
губы, лоб и щёки вышины.
Разве взгляд один за целый день —
как в ушко угольное продеть
нить себя. Какую выбрать из:
жёлтую, зелёную, анис?
Нерушимый кобальт, купорос
(море, кипарисы в полный рост)?
Нет, не имя, а скорее, слух
чайкой вырывается из рук:
нет у милой имени лица,
не найти по следу беглеца.
Я — не я, сказать скорее, мы —
не имеет веса и длины;
и теперь, когда мы вместе здесь, —
мы уже рассеяны везде.
Что снаружи, что внутри — одно
смотрим с изумлением кино.

Евгений Бабушкин

Мялка, свалка и пуговица

Рассказ

*Картинка первая,
из которой мы узнаем об устройстве одной головы*

На щеках у девчонки сверхмодный узор из фальшивой крови: типа мозг взорвался, из ушей потек. Мальчик обычен. Девчонке скучно.

- В мялк бдем.
- Да мал деньк.
- Бдем, ну бдем.

Время действия — завтра. Но не светлое завтра, а так себе завтрачко. В этом рассказе люди говорят по-дурацки, потому что так и говорят в будущем. Берегут слова, чтобы лишнего в рот не налетело.

- А чомнут?
- «Нана Ня и ночь любви».
- А чотм?
- Дакбычно.

Мялка — это соматосенсорное кабаре. На сцене тетка, в башке у тетки штука. Тетку бьют — всем больно. Гладят — всем гладко. Жгут — все чувствуют, как с костей сползает мясо.

- Нуок. Нубдем. Чоттак мяклюшь?
- А я б сма мялс. Я тлант. Буду Лана Ля! Ок?
- Йе.

Мялка — от слова «мять». «Кристина Ку мнет себя» — самое первое шоу самой первой дивы. Так и повелось: мялка. И шоу, и место, и женщина, тело свое превратившая в телебашню. Все — мялка.

Ну а эта конкретная мялка мала, тускла и прокурена. На входе ребенок с алыми от наркоты глазами раздает пробки — съемные модули приема. Скользко и противно они крепятся к основанию черепа. Зрители как могут прячут дыру в затылке: кто гривой, кто шарфиком.

Евгений Бабушкин — писатель, журналист. Родился в Ленинграде в 1983 году. Автор книги «Библия бедных» (АСТ, 2017). Лауреат премии «Дебют» за короткую прозу и премии Дмитрия Горчева. Рассказы переведены на финский, литовский, китайский и немецкий языки. Живет в Москве.

Свет гаснет, луч ползет по сцене, там — прозрачная ванна. Это типа море. Внутри Нана Ня — голая, старая, глупая баба. По сюжету она красавица. Но на сюжет плевать. Нана Ня сложно цокает языком — это логин — и штука в ее голове начинает стрим. Зал чувствует воду, окутавшую чужое тело, и пластик, упершийся в чужой зад. Стрим — полчаса. Ассистенты будут баловать Нану Ня так и эдак. Зрители платят за чужие переживания и намерены напереживаться. Плещется море. Мялка мнется. Всем хорошо.

*Картинка вторая,
из которой мы узнаем об основах
соматосенсорного нейрочипирования, но скучно не будет*

Место действия — город, какой хотите. Вечная вьюга среди небоскребов. Или: куча мусора на берегу гнилой реки. Или: стены кремля в рекламе сосисок. Вам декорацию выбирать. Все города одинаковы, впрочем. Родился — не заметили, пропал — забыли.

То ли дело мялка. Она мечта. Она — навечно.

Кастинг: суешь голову в бак с огоньками, а потом тебе говорят, годишься ли. Мужчины не мнутя, что-то не то в мозгу. Но у каждой стотысячной женщины мозг подходящий. Такую тестируют. Не дура ли будущая дива, не фригидна ли, хорошо ли понимает команды.

Потом идешь к мяснику, ставишь соматосенсорный передатчик (штуку, проще говоря) в третий желудочек мозга, прямо в таламус. Из черноты возвращаешься почти прежней, с парой незаметных шрамов.

Девчонка тоже побывала в баке. Прошла все тесты, успела даже дать по паре раз полезным людям. Ее выбрали. Но потом назвали цену. В этом фишка мялки и ее облом: штуку ставят за счет соискательницы. Не хочешь — вали, вас таких много.

Столько денег не скопишь, если даже продашь двадцать почек. А почка у девчонки и так уже одна.

Мялка жестока: очередь в зал длинна, а на сцену еще длинней. Особенно если ты из дальнего района.

Мялка консервативна: продюсеры торгуют чужим оргазмом, но на чужую боль спроса нет: мялка «Тара Туть татуируется» провалилась. Зря истыкав щеки, дива вернулась к офисной работе.

Мялка то, мялка се. Но — мечта.

Картинка третья, с мясом и музыкой

Девчонка скулит по ночам, объедается никудышной наркотой и отдается своему обычному мальчику молча и неподвижно. Ей хочется в мялку, на сцену, под луч, ей нужна штука в башке, продюсер и мировая слава, но для начала хотя бы штука.

- Да ты зае.
- (девчонка плачет)
- Зае ты.
- (девчонка хрюкает и тычется в подушку)
- Ну дам те чвека.

(слезы сохнут мгновенно — у нее гибкая психика, у девчонки-то)
— Мастер обвеса. Звать Голубь.
— А чо?
— Увишь.

Обвес — это штуки в твоей голове. Настоящий обвес — для богатых. Подвальный в двести раз дешевле, но если извилина лопнет, некого будет винить. Глупая и быстрая, девчонка не боится за извилины и идет на радиорынок.

Маме она говорит, что зависнет у подруги, но мама отработала очередную пятнадцатичасовую, и ей в общем плевать. Мальчику тоже. Дав контакты Голубя, он надолго пропадает из рассказа, мы встретим его еще лишь раз, прямо перед убийством.

И девчонка идет — сквозь дикую вьюгу или вонючий дождь, вам декорацию выбирать. Столько-то лет назад тут торговали транзисторами, и рынок пропах канифолью паяльных ламп. Столько-то лет спустя наступила эпоха нагретой пластмассы, и коробки с пиратскими дисками плавилась на солнце. Столько-то лет прошло — диски исчезли, и над кучами китайских телефонов поплыл запах куриного жира: люди ели, торговали, ели.

А завтречка новые запахи. И девчонка идет, и толпа предлагает миллион удовольствий: вшитый шокер, чтобы покалечить пальцем, бикини-электрони для всяческих забав, радиоприемники антикварные, что-то странное из мяса, но с кнопками, старомодную стальную собаку с горелыми глазницами. Кричат торговцы, кричит товар — полутрупы без важных органов — кричат забинтованные покупатели. Тут можно вынуть все и вставить все, живое и неживое.

Из очередного подвала лезет музыка, и девчонка подпевает хиту:

а у нее во рту таблет-ка
пол-ная го-ре-чи
можно без одеж-ды
как на юуге
деевочка хоодит
по чужому го-ро-ду
пьяные поют
и заглядыва-ют под юбку
горькая таблет-ка
ночь без о-кон
не ходи за девочкой
удаарит то-ком
дыр-ка в кеедах
бееелое нееебо
чёоорное небо
вдох-выдох иии нету.

Это литературный перевод с завтречкового на наш. Дальше припев, но там совсем непонятно, там что-то про ночь.

Картинка четвертая, в которой пахнет эжженной кровью

Радиорынок почти бесконечен, но однажды параллельные мясные ряды сходятся и там — Свалка, хаос подвалов и лавок. Даже с окраины рынка можно вернуться без глаза, а на Свалке люди просто остаются навсегда. По частям.

В одном из подвалов сидит Голубь. Он не обычный мясник, а мастер обвеса, он работает только с мозгом, считает деньги, смывает кровь, считает деньги. Голубь улыбается.

- Здравствуй, милая. Чего ты хочешь?
- Хай. Штуку.
- Еще немного хлама в череп?
- Чо?
- Или какую-то конкретную штуку?
- Шно гришь.
- Это ты смешно говоришь, милая.
- А чо ты Голубь?

Голубь улыбается и сдирает с руки кожу. Это перчатка. Под ней настоящее тело — сизое с радужными разводами, как туловище птицы.

- Нейроэкзема. Побочка. Знаешь, что такое побочка?
- Не.
- Это когда в голове многовато. Так чего ты хочешь, милая?

Девчонка объясняет. Подвал как подвал, серые стены, ниже нуля, обычная нелегальная операционная. Девчонка дрожит и убеждает Голубя, что хорошо переносит обвес, проверялась не раз, а что пустая до сих пор — так не было денег поставить что-то стоящее. Голубь все улыбается, и девчонка понимает, что это вечная судорога, побочка, грустить он уже не будет.

— Вот тут у меня «глутамат», усилитель вкуса и вообще всего: кончишь от ветерка. Вот «швабра», «дрын», «писин». Обвес на любой вкус, хорошие, приятные штуки. А ты пришла за подвальной копией нейротранслятора последнего поколения. И даже с продюсером не договорилась.

Штуки в лотке похожи на льдинки, девчонке больше сказать нечего.

— Ну, давай свои деньги. Ковыряться в тебе недолго, вечер. День полежишь у меня в морозилке, неделю дома, поболит голова, старайся не есть это ваше говно и не думать о жизни. Вот и вся реабилитация, — говорит Голубь. Он слишком тщательно произносит слишком длинные слова, и девчонке кажется, что она в старом фильме.

Картинка пятая, в которой происходит маленькая накладка

Девчонка просыпается. Ей впервые за жизнь легко.

— Извини, милая, но ты хрустальная пуговица.

Голос Голубя. Больше ничего.

— Зрение я тебе скоро верну, голос пока не буду, а вкусы-запахи тебе и не нужны: тут, говорят, не очень вкусно пахнет.

Девчонка орет, но ее не слышно.

— Видишь ли, денег твоих не хватило. Надо поработать. Но ты ребенок и ничего не умеешь. Короче, я взял твою душу, вынул из тела, а тело сдам внаем.

На полке — девчонка себя не видит, но вы-то, бедный мой читатель, рассеянно наблюдаете со стороны — на полке сплюснутый кусочек чего-то мутного. В самом деле похоже на пуговицу.

Наоравшись, девчонка понимает: это прыг. Хит сезона, для богатых развлечения. С тебя снимают как бы слепок и помещают в чужое тело, а предыдущего жильца — в

пуговичное хранилище, ну или в другое тело, так можно сколько хочешь прыгать, но это дорого и мало кто умеет.

Мялка — для всех. Прыг — для лучших. Зачем наслаждаться чужой жизнью дистанционно, если можно — по-настоящему?

Обычно прыгуны договариваются друг с другом, тупо обмен телами. Но это (девчонка снова орет, и снова зря) нелегальный прыг.

Пуговица лежит на полке. Голубь трогает головы, тычет лучами в уши, вставляет и вынимает глаза, время идет, время, время, мя, ла-ла-ла, вре-ре-ре, трудно его ощутить, когда ты пуговица. Но однажды в дверях возникает особенный человек.

— Явс чен-чен до ска, — говорит он. Даже девчонка не сразу его понимает.

Думай быстро — говори быстро — живи быстро — умри попозже. Простые правила правящих классов завтрачка.

— Я вас очень, очень давно искал, — говорит человек.

Он так спешит, что лучше сразу к сути: этот клиент достаточно богат, чтобы прыгнуть. Семь часов работы лазера, скальпеля или чем там Голубь ковыряется в людях, и вот уже тело клиента лежит в морозилке, а сам он осваивается в девчонке: глупо хохочет и щупает сиськи.

— Хьеть! Хьеть! — восхищается он.

— Не повреди ее.

Это странная тема: мужик средних лет в теле школьницы старших классов. Но Голубь смотрит на них с девчонкой с нежностью часовщика.

Картинка шестая, в которой хрустальная пуговица путешествует

Ве-ве-ве, ре-ре-ре, мя-мя-мя, время контракта — неделя. В теле, конечно, датчики, и Голубь следит за всем и за всеми. Первый клиент лишь гуляет и целуется с кем попало, видимо, захотелось немного юности.

Голубя нет ни в каких сетях, вообще нигде, за него работают слухи, так надежней. Кто-то кому-то хвастается, что в сердце Свалки лежит пустая школьница. Теперь к ней очередь на прыг.

Второй клиент три дня трахается.

Третий арендует девчонкино тело на сутки и идет к матери — та двадцать четыре года каждый день говорила ему, что лучше бы аборт, в крайнем случае — дочка. Ну вот тебе дочка. Та гонит его — уродец, мол, уродец — и он досиживает срок и плачет в квартире с видом на выбранные вами декорации.

Пуговица лежит на полке. Пуговица лежит. Входит семнадцатый.

— Де на сма? Стьяща?

Это и без перевода понятно. Хочет знать, где она настоящая, где хозяйка тела. На ладони у Голубя пуговица. Это не хрусталь, конечно. Лишь несколько лабораторий

режут эту стеклянную муть, и технически девчонка почти бессмертна, ее можно лишь уронить, потерять и забыть, и в моменты ясности она с удовольствием представляет, как ее потеряли.

— Хчу штна стре.

Хочет, чтобы она смотрела.

— Я даю людям жизнь, — говорит Голубь. — Новую, всякую, странную. Так что тебя не убьют. Но помни: это дорогой товар. Особенный. Потеряешь ее — тебя поломают. Попытаешься разобрать — поломают. Просрочишь контракт — поломают. И будешь так жить, поломанный.

Дело сделано, клиент в морозилке, душа его в теле девчонки, девчонка в пуговице, пуговица на цепочке.

Для начала клиент неумело закидывается наркотой. Плохо танцует, над ним смеются. Еще наркоты. Платит другой девчонке, почти такой же, за секс. Девчонка болтается на груди у себя же, ей ни хрена не видно. Снова танцы. В общем, его путешествие ценой с дом довольно уныло. Он, кажется, сам это понимает и идет в мялку. Девчонка с ним.

На сцене Нана Ня. Мнется четвертый раз за сутки и двадцать восьмой — за месяц. Фабричная дрочка, которую тысячи одиноких переживают как сказочный секс.

Клиенту наконец-то хорошо. Он потерялся в лабиринте. Внутри чужого чувствует чужое.

Девчонка болтается на цепочке и не чувствует ничего.

Картинка седьмая, в которой девчонке ставят еще один синяк

На ночь Голубь пускает сквозь пуговицу ток какой-то там частоты, это вырубает девчонкину душу на пару часов, на сон не похоже, похоже на вкл-выкл.

Ей спать и не нужно, но это хоть какой-то ритм. Без ритма в бестелесном бессмертии можно тронуться (вот почему и в этом рассказе так ритмично).

После очередного вкл. девчонке снова больно.

Это она уже забыла.

Не сильно больно: там царапина, тут потертость, режет желудок, саднят колени, не сильно.

Девчонка молча трясет головой.

— Работа кончена. Ты ничего мне не должна.

Вскоре девчонка вспомнит, как говорить, а пока она просто трогает коленку и смотрит на незнакомые синяки.

— В голове у тебя все обещанное и даже больше. Лучший товар. Теперь скажи: зачем тебе мялка?

— Мь, — говорит девчонка. — Мь.

Голубь ждет.

— Мечта.

— Я видел много голов изнутри. Никакой мечты там нет, — говорит Голубь. Из-за улыбки кажется, что он шутит.

Потом девчонка возвращается домой. В свои вагончики, сараи, небоскребы выше неба или норы ниже магмы, это уж как там вы представляете завтречко.

Мама ей не рада. Что заначки нет, мама заметила почти сразу. Ну еще бы, не карманные же деньги девчонка отнесла Голубю. Заначки нет, и это значит, что четверть жизни мама работала зря.

Мама ревет:

— Де т, сука, бла семь месь?

Семь месяцев?

Мама бьет девчонку в лицо, промахивается, снова бьет, попадает. Синяк девчонку не волнует, ее волнует, чтобы штука была цела. Мама выражается в том смысле, чтоб девчонка поискала другое место жить, пусть валит к своим мясникам.

И девчонка валит. Обрато к Голубю, больше некуда. Завтречка, пожоже, нет никакой близости, но вынувший тебя из тела человек — пожалуй, поближе прочих.

Картинка восьмая, из которой мы узнаем, что девчонка действительно особенная, как и подозревала

Есть мялка и мялка. В одной все сверкает, туда дорогие билеты, с них платят налоги. В другой дивы постарше, люди поплоче, в общем — трэш. Туда-то и возьмут поработать с подвальным обвесом.

У Голубя знакомые повсюду и в мялке-нелегалке тоже. На зов приходит Кока, маленький человек с ожогом от побочек на щеке. Кока — продюсер подпольных мялок. Он проверяет обвес, предлагает контракт и называет цифру.

Казавшийся неоновым и чудным, мир мялки состоит почему-то из крохотных грязных подвалов. Зрители заполняют один из них.

На входе ящик с пробками и чан с дезинфектором, чтобы не занести себе в затылок дряни.

Девчонка думает, что через мгновение все сбудется. Она Лана Ля. И сегодня — «Лана Ля ложится спать», ее первое шоу.

Она на сцене, еще не голая, но скоро зрители почувствуют, как шелк сползает с кожи. Ждет. Людей мало, мялка тесная, от ассистента пахнет пылью.

Девчонка думает, красива ли она. Кажется, красива. Но это неважно, поверхности не важны, важна только душа. Цокнув трижды об небо и пятикратно об левую щеку, девчонка превращает душу в передатчик, а ассистент без лишних слов кладет девчонку в койку.

Сценарий велит делать то да се, но без подробностей, в меру таланта. Это обычная порно-мялка с рудиментарным диалогом. И так, девчонка начинает стрим, но зал реагирует странно.

Тут и не скажешь «в ту же секунду»: в мире дырявых мозгов все куда быстрее. Миг в миг люди в зале чувствуют, чего не ждали. Не чужие лапы на чужой жопе. А легкий стыд, и это чужой стыд. И бесконечную надежду — чужую. И застарелый страх — не их, но теперь он будет с ними. И вот уже один бросается к выходу, пугая девчонку до паралича, и зал в ответ заходится в панических корчах, все молча ломаются наружу, кроме парня, который блюет на заднем ряду, и еще пары ошалелых, которые остаются смотреть на плачущую девчонку в цветных шелках. Коку трясет за кулисами. Девчонка продолжает стримить всю себя, и Кока, вырвав пробку, бежит на сцену и бьет девчонку в горло, делая «выкл.» (в голову нельзя, она бесценна).

Очнувшись, девчонка плачет, но Кока доволен. Он трещит в три раза быстрее обычного, лучше сразу переведем.

— Ты поняла? Ты поняла? Сегодня мы с тобой нащупали. Много. Много денег. Много больше, чем соматосенсорная трансляция. Односторонняя телепатия. Слышала? Слышала? Ты, дорогая, единственный в мире прибор для стрима эмоций. Это что-то в тебе самой или что-то Голубь в тебе наковырял. Не знаю, но выясню. Я же ученый. Пришлось вот этой сранью жить, но я ученый. Ничего. Ничего.

Девчонке страшновато, но Кока похож на всех продюсеров мира. Он приятно бормочет приятные слова — «мечта» среди них — и девчонка успокаивается.

Кока ласково хлопает ее по заднице. Без эротики, это радость владения. Кока ее вообще не трогает, его интересуют только деньги, или не деньги даже, а что-то такое за ними, что он никогда не назовет, да и сам не знает, потому что тараторит.

Картинка девятая, в которой мы доламываем четвертую стену и наконец-то происходит убийство

Девчонка — первый цветной телевизор. Мобильник среди ЭВМ. Она как мялка, только лучше. Как прыг, но доступнее.

Это фантастический рассказ, а фантастика, говорят, для тупых. Надеюсь, бедный мой читатель, вы не такой. Но на всякий случай разжую. Вот мы... вот нам же часто надо побыть не собой. Кем-то другим конкретным. Или просто кем-то другим. Мы же все ради этого, все ради этого. Смотрим наши киношки, играем в игрушки, чтобы пожить чужое. Это же такая свобода, сбросить себя, как вонючую майку после часа в летнем метро (я пишу это душным июлем, но можете представить зиму).

В общем, девчонка — это чудо и задешево.

Сначала приходят ценители. Им секса взаимы уже мало, им нужно поглубже в мозг. Ценители трезвонят любителям. Любители всем.

Подвалы становятся больше. Билеты дороже. Девчонка стримит. Зал стонет, чувствуя чужое с утроенной силой. Упоенная, девчонка даже не замечает в зале своего бывшего обычного мальчика. Мальчик дробит.

Все кончается быстро. На очередное шоу приходят не зрители, а четверо в черной броне. Трое солдат с идиотскими лицами и командир с искусственной рукой. Солдаты не были в примерке настоящей звезды и ухмыляются.

— У тя бз выбора, — говорит командир. — Гришь, кто те ставыл, кто катал.

И так далее. В переводе с юридического на наш: девчонка должна сдать Голубя

и Коку, и тогда ее отпустят, вынув подвальный обвес, всю нелегальщину. А если не сдаст, если упрется, то вынут без наркоза.

Мялка — большой бизнес, государство любит большой бизнес, а самый большой бизнес — это государство и есть, так что с его стороны это просто самозащита.

Девчонка вяло тычет локтем в подсобку, но даже не скажешь, что она успевает кого-то сдать, потому что Кока, обезумев и горя щекой, сам выбегает навстречу солдатам.

Командир сверхбыстро бубнит три строчки из уголовного кодекса. Это для порядка. Для закона он стреляет. Если бы девчонка прямо сейчас облизнула губы, она бы узнала мозг на вкус.

Коку уносят, пойдет на консервы для самых бедных, а девчонке теперь нужно явиться туда-то тогда-то, вынуть обвес в особой клинике — кровью поплачешь, и все пройдет, говорит командир.

Пошатавшись и повыв, она идет на Свалку.
Голубь улыбается.

Девчонка излагает ситуацию, как может. И пока говорит, понимает, что в общем и целом мечте конец.

— Пста ме смер.
— Что?
— Убей мя.

Это логично. От колес откачают, с крыши страшно, из пистолета стреляются только в кино. Но если просто лечь мяснику под нож, ничего не почувствуешь.

У этого рассказа три финала. Снова вам выбирать, но теперь уже насовсем.

Картинка десятая, с вариантами

Первый финал — затейливый и красивый.

— Я даю людям жизнь, — повторяет Голубь. — Новую, всякую, странную. Жгу людей, шью людей, рву людей, но не убиваю. Ты сама себя убьешь. Я поставлю тебе смерть. С секретом. Я люблю этот город, он сделал меня мной, и я хочу ему отплатить. Будет легко. Ложись.

Чернота; вскоре девчонка уходит с новым шрамом и новой льдинкой в мозгу. Склонная к драматизму, она ждет полуночи и врубает хит:

дыр-ка в кееедах
бееелое нееебо
чѐоорное небо
вдох-выдох иии нету

Но не решается и шатается еще полчаса. Цокает наконец и ждет, пока тайная штука сработает, пока тихая темень хлынет в мозг. Поверх фальшивой крови из ушей течет настоящая. И тут вдруг оказывается (это красивый финал), что рядом со смертью в ее голове стоит усилок, ну, например, не простой, а предположим, военная какая-нибудь разработка, которую Голубь выменял у дряхлого генерала за чип в член. Да неважно, что именно. Важно, что Голубь — мастер обвеса, и вот чудо.

Девчонка в агонии — Голубь опять соврал — и усилиок разносит ее боль на тысячу квадратных километров. Тут и не скажешь «в ту же секунду»: в мире дырявых мозгов все куда быстрее. Миг в миг миллионы мялочников цепенеют, чувствуя девчонкину смерть в затылке. Свою смерть.

Второй финал попроще: Голубь не будет ее убивать. Он странно к ней относится, это любовь какая-то, но неправильная, голубиная. И потому он предлагает ей бессмертие в хрустале. Тело отправит гулять по Свалке, мало ли на него желающих, пусть его разорвут мясники и вышибут пустые мозги солдаты. А девчонка проведет вечность в хрустальной пуговице.

Нет, я бы не стал выбирать этот финал и вам не советую. Уж слишком это бессмертие — если, конечно, вовремя бить пуговицу током — похоже на обычную жизнь. А кому она нужна, обычная-то?

Третий финал. Он правдивей и противней. Ни смерти, ни бессмертия. Неважно, что там ей предлагает Голубь, людей вроде Голубя вообще, вероятно, нет. А вот девчонка совершенно реальна, а значит, как и мы с вами, она ничего не решает, лишь коченеет от ужаса, и так невольно выбирает жить дальше. Где-то работает, снимает какой-то угол, может, слегка продает себя по кусочкам, но без экстрима. О ней забывают. Это же не сраная тоталитарная антиутопия. В завтречке, как и сегодня, правят нажива и полный бардак. Слава бардаку, кто-то где-то потерял ее файл, и девчонка жива и свободна, но, конечно, никаких мялок, прочь мечту и так далее.

И девчонка ходит туда-сюда, и что-то такое делает, и подпевает новому хиту. А вьюга все сильнее (если вы выбрали вьюгу), и над гниющей рекой поднимается пар (если вы выбрали южный пейзаж). Растворится завтречко, и уж не разглядеть девчонкин силуэт (или как это назвать, когда кто-то тает во тьме).

И если вы слегка расстроены, что у девчонки не сложилось, так не расстраивайтесь. Вечность — для везунчиков. Чтобы туда попасть, нужно или сильно мучаться, или много денег. А девчонка — я-то буду с нежностью ее вспоминать, но и я не подарю ей вечности — а девчонка просто подергалась и растаяла. Как и вы, бедный мой читатель. Квы, бедны м чта. Квы.